

**Сорель Альбер**

**Монтескье**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
А56

А56      **Альбер С.**  
Монтескье / Сорель Альбер – М.: Книга по Требованию, 2023. – 151 с.

**ISBN 978-5-519-74978-7**

**ISBN 978-5-519-74978-7**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



приправамъ, которыя не всегда нравятся людямъ, воспитаннымъ къ большей простотѣ. Многіе намеки и тонкости ускользнутъ отъ русскаго читателя или покажутся ему излишними блесками. Но я думаю, что главнымъ своимъ смысломъ мастерская біографія Сореля сослужить и въ русскомъ переводѣ полезную службу. Она не должна и не можетъ освободить отъ знакомства съ подлинникомъ Духа Законовъ; но для тѣхъ, кто прочелъ этотъ подлинникъ, она послужить къ нему незамѣнимымъ, комментариемъ, своего рода изящной рамкой къ цѣнной картинѣ. Тѣхъ же, кто еще не читалъ Монтескье, она, надо надѣяться, возбудитъ и подготовитъ къ изученію одного изъ классиковъ политической мысли, писателя, который всегда сохранитъ великое значеніе по той глубинѣ и оригинальности, съ которой онъ ставилъ и разбиралъ вопросы политическаго развитія.

Только ради напомниманія объ этой неизмѣнной „педагогической“ роли Монтескье я позволю себѣ остановиться нѣсколько на характеристикѣ его значенія, отсылая во всемъ остальномъ къ книжкѣ Сореля. Духъ Законовъ вызываетъ на сравненіе съ Политикой Аристотеля: онъ также заключаетъ собою историческій періодъ, подводитъ итоги его многообразнымъ формамъ жизни и старается установить начала, дѣйствовавшіе въ предѣлахъ этого періода и общіе законы политической жизни. Аристотель обнялъ въ своемъ кругозорѣ безчисленныя городскія республики Греціи, заглянувъ между прочимъ и на Востокъ съ его деспотіями и на Югъ съ міромъ пуниче-

## VI

скихъ колоній. Монтескье усвоилъ по своему опыту древняго міра, справлялся съ многочисленными достопримѣчательностями быта дикихъ и полудикихъ народовъ, быта Россіи и Турціи, но интересъ и плодотворность его сужденій связаны главнымъ образомъ съ тѣмъ, что онъ глубоко изучилъ и обдумалъ историческій процессъ, завершившійся въ его время въ Европѣ, процессъ, который открылся завоеваніемъ римскихъ провинцій и феодализмомъ, а заканчивался такъ называемымъ старымъ порядкомъ. Монтескье—болѣе, чѣмъ кто-либо изъ первоклассныхъ мыслителей XVIII вѣка чело-вѣкъ стараго порядка. Онъ слишкомъ скептикъ и слишкомъ ученъ, чтобы жить въ мірѣ просвѣтительныхъ утопій, но въ то же время слишкомъ уменъ и глубокъ, чтобы безотчетно слѣдовать позывамъ сословныхъ интересовъ и вѣяніямъ общественнаго мнѣнія. Онъ старается осмыслить реальныя государственныя формы, столь похожія одна на другую и въ то же время столь различныя, съ которыми онъ встрѣчается въ современной ему Европѣ и въ ея средневѣковой исторіи. Эта работа „осмысленія“, существующаго не могла привести къ радикальному перевороту и построенію жизни на новыхъ основахъ; ея цѣль была предохранить отъ извращеній, отъ невыгоднаго уклоненія того или другого государства, напр. Франціи съ возможно лучшей дороги.

Главное вниманіе мыслителя направлялось на вопросъ, чѣмъ опредѣляется эта дорога, и позади сознательнаго руководства онъ находитъ цѣлый рядъ климатическихъ и историче-

скихъ причинъ, которыя направляютъ такъ или иначе политическую судьбу государствъ. *Средне-вѣковое прошлое* получило особенную важность, такъ какъ оно объясняетъ закладку фундамента, и дѣйствительно Монтескье открываетъ собою рядъ историковъ, прослѣдившихъ постепенное расхожденіе западныхъ народныхъ организмовъ отъ общихъ зачатковъ къ позднѣйшимъ различіямъ. Сорель указываетъ на связь Монтескье съ Гизо по историческому методу, но онъ могъ бы указать еще опредѣленнѣе на то, что авторъ „Цивилизаціи во Франціи“ и „Зачатковъ представительнаго правленія“ прямо поставилъ себѣ одну изъ темъ, намѣченныхъ Монтескье—тему объ историческихъ корняхъ представительнаго строя.

Нечего и говорить, что особенно рельефно выступила въ характеристикѣ Монтескье *монархія*, выросшая постепенно на почвѣ сословнаго общества и обставленная ограниченіями въ обычаяхъ и привилегіяхъ. Эта сторона всѣми замѣчена и оцѣнена Сорелемъ въ ряду остроумныхъ замѣчаній. Мы бы ожидали однако встрѣтить у него сближеніе съ другими писателями, выразившимивъ этомъ отношеніи идейное направленіе французской политической литературы, особенно съ Боденомъ, который также заслуживалъ упоминанія, какъ предшественникъ Монтескье въ своей теоріи естественныхъ условій.

Въ исторіи Англіи Монтескье нашелъ болѣе систематическое и законченное проведеніе началъ, которыя были заложены также и въ бытѣ другихъ западно-европейскихъ государствъ, но не получили въ немъ достаточнаго развитія. Изъ исторіи Ан-

## VIII

гліи, въ особенности изъ ея революціоннаго періода онъ и почерпаетъ историческую подкладку для своей знаменитой *теоріи раздѣленія властей*. Какъ юридическая конструкція для объясненія англійскаго государственнаго строя эта идея непригодна и была уже непригодна въ XVIII вѣкѣ, когда писалъ Монтескье. Въ его время уже сложился въ главныхъ чертахъ порядокъ верховенства парламента, т. е. преобладанія законодательной власти надъ остальными. Но съ точки зрѣнія *исторіи* Англій и возможностей, заключавшихся въ строѣ другихъ западно-европейскихъ государствъ, можно было говорить о самостоятельности и раздѣленіи властей, объ ихъ противоборствѣ и попыткахъ установить равновѣсіе. Парламентъ, чины, судебныя корпораціи искали, подобно всѣмъ государственнымъ силамъ, вышедшимъ изъ феодализма, независимаго положенія, отвергали бюрократическое подчиненіе, но и королей, вродѣ Генриха VIII въ Англій, Генриха IV во Франціи нельзя было считать простымъ украшеніемъ государственныхъ актовъ, проводимыхъ иными властями. Даже еще въ Англій Вильгельма III и Анны можно было усмотрѣть проявленіе значительной самостоятельности со стороны королевской власти, и потому теорія Монтескье, хотя и не оправдываемая государственнымъ правомъ, коренилась въ вѣрномъ историческомъ наблюденіи.

Общій контрастъ между міромъ, къ которому принадлежалъ Монтескье и древнемъ міромъ, который онъ такъ внимательно изучалъ, долженъ былъ направить мысль на необходимость связать

различія въ внѣшнемъ устройствѣ государствъ съ глубокими различіями нравственной культуры. Здѣсь коренится повидимому знаменитая *теорія нравственныхъ началъ государственной жизни*. Классификація государственныхъ формъ не сводится для него на одни внѣшніе признаки, а стоитъ въ связи съ цѣлымъ строемъ понятій и нравовъ; форма разсматривается въ постоянномъ взаимодействіи съ содержаніемъ. Но вѣдь строй понятій и нравовъ — явленіе сложное, многообразное, выражающееся въ тысячѣ различныхъ проявленій и чертъ, а для писателя, который хочетъ осилить дѣйствительность, мыслью, истолковать существующее, нужны простыя подраздѣленія и краткія формулы. Чтобы подыскать такія формулы для республики, Монтескье произвелъ мысленную работу отвлеченія всѣхъ второстепенныхъ признаковъ на той совокупности идей и жизненныхъ условій, съ которой онъ освоился при чтеніи Плутарха, Ливія, Цицерона. Путемъ раціонализаціи древности въ томъ видѣ, какъ она представлялась черезъ двойную призму римской литературной передачи и ложноклассицизма XVIII вѣка, Монтескье добылъ свое начало „доблести“ и положилъ его въ нравственную основу истинной республики. Въ собственной душѣ и въ умахъ современниковъ нашелъ онъ нравственный стимулъ, приводящій въ движеніе механизмъ монархіи — чувство чести и стремленіе къ почету. И какъ бы мы ни относились въ настоящее время къ самой попыткѣ подобнаго упрощенія съ одной стороны, къ характеристикѣ классической республики съ другой — разоблаченіе

Монтескье относительно политической психологіи людей его общества останется цѣннымъ указаніемъ для историка.

Отсюда можно, пожалуй, вернуться къ тому замѣчанію, съ котораго мы начали при характеристикѣ основныхъ взглядовъ Монтескье. Подобно Аристотелю онъ не могъ дать общеобязательныхъ опредѣленій „духа законовъ“, потому что разсматривалъ ихъ, естественно, въ духѣ своего времени, окружающей дѣйствительности и сложившагося въ его поколѣніи пониманія исторіи. Подобно Аристотелю онъ останется высоко интереснымъ представителемъ политическаго сознанія цѣлой эпохи европейскаго развитія и въ этомъ отношеніи никогда не потеряетъ значенія для людей, ищущихъ историческаго образованія. Подобно Аристотелю онъ ставитъ проницательно и глубоко, хотя и въ духѣ своего времени, общія проблемы государствовѣдѣнія и политической философіи, и съ этой стороны заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ, кто желаетъ выяснитъ себѣ задачи государства, строеніе правительства и развитіе общественныхъ отношеній, хотя бы читатели Монтескье приступали къ тѣмъ же проблемамъ ужъ съ инымъ запасомъ политической опытности и историческихъ знаній.

*Павелъ Виноградовъ.*

# МОНТЕСКЬЕ.

## ГЛАВА I.

### Характеръ Монтескье.

*Персидскія письма* появились въ 1721 году. Книга произвела невообразимую сенсацию. Никогда еще писатель не умѣлъ лучше отвѣтить на господствующіе въ обществѣ интересы, съ большей легкостью сорвать покрывало съ его тайнъ, съ большей живостью обнаружить его скрытыя до тѣхъ поръ, желанія, его еще смутныя думы. Авторъ чувствовалъ, что вокругъ него разсыпаются старыя вѣковыя общественныя учрежденія; вѣрованія, обычаи, нравы, которые образовали и поддерживали монархію, рушились во Франціи. Онъ захотѣлъ проанализировать это зло и попытался найти противъ него средство; но онъ совершенно не замѣтилъ, что описывая его, такъ, какъ онъ это дѣлалъ, онъ распространялъ въ обществѣ это зло и что его произведеніе — самый тяжелый симптомъ того кризиса, который онъ думалъ скрыть. Это не было предупрежденіемъ и призывомъ къ реформѣ; это было сигналомъ революціи, смутное сознаніе о которой таилось въ мысляхъ у всѣхъ и причины которой раскрывались въ каждомъ событіи. Въ *Персидскихъ письмахъ* — зародышъ *Духа законовъ*. Когда они были изданы, автору было тридцать два года. Его рожденіе, воспитаніе, первоначальное развитіе его мысли связываютъ его съ XVII вѣкомъ. Своей жизнью и своими произведеніями

онъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, показываетъ намъ, какъ демократическая революція, даже безъ вѣдома тѣхъ, кто ее подготовлялъ, вышла изъ того самаго царствованія Людовика XIV, которое, казалось, прочно, на нерушимыхъ основахъ укрѣпило во Франціи монархію. Посмотримъ же, чѣмъ былъ Монтескье, когда онъ написалъ свой первый трудъ, и попытаемся опредѣлить характеръ его генія; затѣмъ мы увидимъ, какъ геній этотъ обнаружился.

Семейство Монтескье принадлежало къ старому дворянству ивоенному, и судебному. Въ свое время оно приняло протестантизмъ и отреклось отъ него вмѣстѣ съ Генрихомъ IV. Жакъ-де-Секондъ, второй сынъ барона Монтескье, президентъ гіенскаго парламента, женился въ 1686 году на Франсуазѣ де Пенель, которая принесла ему земли и замокъ де-ла-Бредъ, около Бордо. Въ этомъ замкѣ и родился у нихъ 18-го января 1689 года сынъ Шарль Луи, будущій авторъ *Духа Законовъ*.

Отецъ его былъ строгій аристократъ на манеръ Вобана и Катиня; мать — благочестивая женщина. Оба они принадлежали къ тѣмъ дворянамъ, которые народомъ и сдѣлались популярными — и по чувству сословнаго дѣла и по христіанскому чувству. Въ минуту рожденія Шарля-Луи нищій явился въ замокъ ла Бредъ. Секондъ удержали его и сдѣлали крестнымъ отцомъ ребенка, чтобы этотъ крестный всю жизнь напоминалъ ему, что «нищіе—его братья». Такъ поступилъ когда-то отецъ Монтэня, соотечественникъ Секондъ.

Шарль Луи носилъ сначала фамилію Ла Бредъ по мѣсту своего рожденія. Онъ провелъ три года на воспитаніи у крестьянъ, укрѣпилъ свой организмъ и выучился говорить на деревенскомъ нарѣчьи (patois). Онъ возвратился къ родителямъ въ замокъ Ла Бредъ, о которомъ сохранилъ прочныя воспоминанія. Это большое массивное строеніе XIII вѣка, въ формѣ башни, съ зубцами, безъ архитектурныхъ украшеній, возвышающееся своими черными стѣнами, съ неправильными

кое-какъ прорѣзанными отверстіями оконъ надъ широкими рвами, полными водой, съ подъемнымъ мостомъ при входѣ. Шарль-Луи жилъ тамъ до семилѣтняго возраста, когда онъ потерялъ мать и былъ отправленъ къ монахамъ Ораторійцамъ въ Жюльи, гдѣ и оставался съ 1700 до 1711 года. Это воспитаніе вдали отъ семьи не могло содѣйствовать развитію въ немъ особенно нѣжнаго сердца. Онъ и не имѣлъ къ этому ни малѣйшей склонности, будучи отъ природы очень счастливаго характера, разсудительнымъ и ни капли не подверженнымъ меланхоліи. Церковная школа должна была, по видимому, привязать его къ вѣрѣ или, по крайней мѣрѣ, расположить его къ религіознымъ идеямъ; его мать внушила ему уваженіе къ христіанской религіи. Воспитаніе же, исключительно литературное, классическое и посвященное Риму подготовило его путемъ индифферентизма къ невѣрію. Двадцати лѣтъ онъ написалъ сочиненіе, гдѣ доказывалъ, что языческіе философы совершенно не заслуживаютъ вѣчнаго осужденія. Стоицизмъ, который въ теченіи всей его жизни былъ основаніемъ его философскаго міровоззрѣнія, былъ усвоенъ имъ подъ прямымъ воздѣйствіемъ латинскихъ авторовъ. А съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ читать по собственному выбору, этотъ стоицизмъ окрасился значительной струей Пирроновскаго скептицизма, традиціи котораго сохранялись въ обществѣ *Temple* и который пробивался наружу не смотря на Сорбонну, цензуру и полицейскій надзоръ. Молодой Ла-Брэдъ воспользовался своимъ правомъ, и въ 1714 году былъ сдѣланъ совѣтникомъ въ бордосскомъ парламентѣ. Въ слѣдующемъ году онъ женился на Жаннѣ дѣ Лартигъ изъ семьи военныхъ, кальвинисткѣ по происхожденію. Его супруга больше отличалась невинностью, чѣмъ красотой, была больше робка, чѣмъ привлекательна и гораздо болѣе добродѣтельна чѣмъ мила. Въ 1716 году она его подарила сыномъ, а потомъ двумя дочерьми.

Въ этомъ же 1716 году Ла-Брэдъ сдѣлался президентомъ парламента. Его дядя, старшій въ семьѣ, за-

вѣщалъ ему эту должность, съ условіемъ принять имя Монтескье. Никогда еще завѣщаніе не было болѣе удачно, по крайней мѣрѣ, что касается имени, потому что къ должности Монтескье не питалъ особенной охоты. Семья и парламентъ занимали мало мѣста въ его жизни; и о той, и о другомъ онъ говорилъ съ уваженіемъ; и тамъ, и здѣсь велъ себя такъ, какъ того требовали приличія, но по возможности отвлекался отъ обоихъ. Онъ освободился отъ нихъ, лишь только счелъ это возможнымъ. Онъ любилъ свѣтъ и удовольствія, которыя тянули его изъ семейнаго круга, совершенно не интересовался процессами, ненавидѣлъ судебную канцелярщину, пренебрежительно смотрѣлъ на адвокатовъ и презиралъ просителей. Онъ не чувствовалъ себя ораторомъ, не считалъ себя подходящимъ ни для торжественныхъ рѣчей, ни для парадныхъ докладовъ, составлявшихъ славу магистратуры. Любознательность влекла его къ умственной дѣятельности и къ наслажденіямъ мысли; пищу для всего этого онъ нашелъ въ бордосскомъ обществѣ, гдѣ его происхожденіе и его должность ставили его въ первомъ ряду.

«Судебное сословіе, которое занимало среднее мѣсто между высшимъ дворянствомъ и народомъ» открывало широкое поле политическому наблюдателю. Оно составляло центръ просвѣщенной провинціальной публики. Бордо былъ одинъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ люди съ интеллектуальнымъ образованіемъ находились въ особенномъ почетѣ. Тамъ была учреждена Академія, «для отдѣлыванія и усовершенствованія удивительныхъ природныхъ талантовъ, которыми такъ щедро одарены люди, рожденные въ этомъ климатѣ». Такъ выражался основатель этого общества. Монтескье былъ принятъ туда, такъ сказать, по праву, и бросился сначала въ научныя занятія.

Подъ вліяніемъ толчка, даннаго Ньютономъ, наблюденіе и изученіе природы освобождалось отъ безпорядочной компиляціи и легенды. Монтескье, который уже